

ЗА ЧТО Я ЛЮБЛЮ ДВОЕЧНИКОВ

**Тамара
Соломсторжская,**
учительница
экономики

Наше общество остро нуждается в социально полноценных личностях. Но отечественная школа, на мой взгляд, не только не содействует удовлетворению этой потребности, но имеет диаметрально противоположную направленность. Учебный процесс не успевает за динамично обновляемым объёмом знаний, и школьников нагружают устаревшими и ненужными сведениями, да ещё преимущественно через слуховой канал, издавна считающийся не самым продуктивным. Вспомним восточную мудрость: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». И в результате отличные оценки получают усидчивые ученики или дети, с которыми в семье занимаются родители. Но во взрослой жизни, сталкиваясь с необходимостью принимать самостоятельные решения, такие люди, как правило, пасуют. Однако наша школа традиционно продолжает мерить свои успехи количеством медалистов, наука — количеством защитивших диссертации, тогда как остальной мир — людьми, сделавшими вклад в конкретные области реальной жизни.

Хорошо устроенный и хорошо наполненный мозг

Начиная в девятом классе курс экономики, задаю ребятам вопрос: «С чем у вас ассоциируется понятие «экономика»?» Вопрос и ответ прошу записать в тетради. Пока ребята выполняют задание, занимаюсь классной доской. Делю её вертикальными линиями на две или три части, в зависимости от количества рядов в кабинете. Затем приглашаю каждого ученика записать свой ответ на доске. Кто не хочет — не заставляю, потому что некоторых ребят выход к доске, выражаясь на их жаргоне, «напрягает». Запись на доске закончили, подсчитываем общее количество ответов. Если оно отличается от списочного состава, выясняю, кого нет, и отмечаю в журнале, не тратя времени на перекличку. Заодно выявляю число «напрягающихся» у классной доски. Стремлюсь к тому, чтобы этот показатель начинал снижаться уже после первого урока.

Следующее задание: подсчитать количество одинаковых ассоциаций и определить их процент. Задание вызывает затруднение. Возможно, подростки изучали проценты на уроке математики или информатики, но как использовать эти знания в конкретной ситуации, не знают. Такого навыка у них нет. Дело поправимое. Объясняю, как вести расчёт процента. На уроке присутствуют 30 человек. Экономика ассоциируется с деньгами у 24 учеников. Требуется узнать, какой процент от этих тридцати составляют 24 одинаково мыслящих школьника. Рассуждаем. Общее количество ответов принимаем за 100%. Иксом обозначаем процент учеников, давших одинаковый ответ. Записываем условие в математических символах. Производим необходимые действия и получаем 80%.

С большим интересом ученики наблюдают за моими расчётами, включаются в работу, а затем самостоятельно определяют процент нестандартных ответов. Схватив на ходу, отвечают — 20%. «Сколько же это будет в натуральном выражении?» Те же голоса: «Да элементарно — 6 человек».

Прошу прокомментировать оригинальные ответы. Например, такой: «Экономика — мама». Почему? «Потому, — отвечает ученик, — что моя мама работает экономистом». Тянет руку другой ученик. «Ваша мама тоже экономист?» «Нет, — отвечает, — мой отец занимается мелким бизнесом, поэтому у меня экономика ассоциируется с оборотным капиталом. Но выражение «экономика — мама» я понимаю как кормилицу. Без неё никуда».

Проведённый опрос на языке традиционной методики называют фронтальным. Но мне он помогает выявить не знания ученика, а его способности. Кто-то быстро схватывает расчёт процента, кто-то красноречиво комментирует оригинальные ассоциации. Те, кого «напрягает» классная доска, сожалеют. Вполне могли бы записать свои варианты и прокомментировать, а так упустили шанс проявить себя. В следующий раз этого уже не случится. Вырисовывается «портрет» класса. Ребятам любопытно, они оживлены, бурлят, сравнивают. Фронтальный метод опроса сопровождается не привычной гнетущей нервозностью, а радостным возбуждением. Выявляется ещё одно немаловажное обстоятельство: двоечник оказался интересен одноклассникам, а пятёрочник остался в тени.

Подводя итоги урока, сообщаю о критериях оценки. В журнал выставляю принятую в школьной практике оценку по пятибалльной системе, но она состоит из нескольких частей. На примере конкретных ответов разъясняю принцип. Называю фамилии двух учеников, условно — Ключев и Блаженков. За сообразительность и экономическое мышление, проявленные сегодня Ключевым, он заслужил пятёрку, но дал невнятный комментарий, его речь косноязычна, поэтому за объяснение — двойка. В результате в журнале против фамилии Ключев появляется четвёрка. Что касается Блаженкова, то здесь полная противоположность: пятёрка за обстоятельный и лексически грамотный комментарий к оригинальной версии Ключева и двойка за отсутствие сообразительности и экономического мышления. Следовательно, в журнале против фамилии Блаженков — тройка. Класс загудел. Слышится: «Вот это да-а!» Любопытствуют: «Почему при наличии одинаковых составляющих «5» и «2» у Ключева средний балл — «4», а у Блаженкова — «3»?

С готовностью отвечаю: «Вместе с французским энциклопедистом Монтенем считаю, что «мозг, хорошо устроенный, лучше, чем мозг, хорошо наполненный». «Почему?» — раздаётся с нескольких парт. «Потому, — объясняю, — что «мозгу, хорошо устроенному», по силам находить новые решения, продвигать человечество вперёд. «Мозгу же, хорошо наполненному», необходимо опереться на что-то уже сделанное, чтобы об этом обстоятельно красноречиво говорить. Стране сейчас нужны инициативные, толковые и деловые люди. Умеющих красиво говорить уже предостаточно».

Находятся доброхоты, объясняющие мне, что это несправедливо: Ключев — закоренелый двоечник, а Блаженков — круглый отличник. Разыгрываю удивление: «У нас сегодня с вами первое знакомство, и каждого я оценивала по результатам работы на своём уроке. Ключев дал отличный ответ: «Экономика — это умение хозяйствовать», но не сумел объяснить, что входит в эту формулу — «умение хозяйствовать»; Блаженков не дал никакой версии, но помог Ключеву прокомментировать его ассоциацию.

Уроки закончены. Отмечаю, что на первом уроке, который был в 9 «А», ни один ученик не смог рассчитать процент. В следующем — 9 «В» — нашлось несколько учеников, самостоятельно выполнивших расчёт, причём на исходных данных своего класса. У них по списку 27 человек, присутствовали на уроке — 25, количество одинаковых ответов дали 22 школьника. Были и такие, которые представили ответ не 88%, а 80%, заявив позже, что ошиблись в расчётах. Ясно, что эти «знатоки» из 9 «В» успели пообщаться с «ашками», но не все схватили суть и механически переписали расчёт. Когда очередь дошла до учеников 9 «Б», у которых экономика была четвёртым уроком, то затруднения в расчёте процентов испытывали единицы. Это говорит о том, что на переменах ребята обсуждали новый предмет. Обменялись полученными знаниями, поэтому и появились «знатоки». С расчётом не справились «отшельники», которые не умеют или не хотят устанавливать контакты со сверстниками, и «отличники», в большинстве своём считающие ниже своего достоинства обмениваться информацией по такому поводу. На высоте оказались двоечники: они не дрожат над своей репутацией, поэтому если их что-то заинтересовало, спрашивают и переспрашивают, пока не поймут. И схватывают, как правило, быстро. Зато «отличники» умеют рассказывать, пересказывать.

Прошёл рабочий день. С девятиклассниками я встречу через неделю. И у меня есть время продумать индивидуальные задания для Ключева, который может быть, впервые в жизни почувствовал себя положительным героем. Провести дополнительное занятие с «отшельниками», чтобы они закрепили расчёт процентов. Подготовиться к разговору с Блаженковым, который горько рыдал после моего урока. И главное, мне надо как-то стимулировать Ключева заняться своей речью. Это трудно, но возможно: хорошо устроенный мозг — это дар природы.

Именно в общении с запущенными дарами природы я нахожу отдохновение. Конечно, не все двоечники — подарки. Но и одного на класс достаточно, чтобы с воодушевлением идти в школу. А там, смотришь, и отличник перестанет рыдать, получив тройку. И ещё несколько «среднячков» отучатся канючить, выпрашивать хорошую отметку. Не в ней счастье, объясняю на уроках ребятам, а в необходимости определить область собственных интересов, не страшиться делать ошибки. Ведь почему рыдает круглый отличник? Родители и учителя внушили ему, что он «безупречен». И если не блеснёт своим ответом, жутко переживает, тратя на пустяки свою нервную энергию.

А почему озлоблен двоечник? Жизнь начинает бить его с самого детства. Как правило, в семье им не занимаются. И он приходит в класс, где многие уже умеют писать, читать, считать. С первых шагов в школе на него начинают сыпаться двойки по письму, по чтению, по счёту. С клеймом двоечника его переводят на следующую ступень. Здесь уже не один учитель. Но уж если ребёнок зарекомендовал себя неуспевающим, то мало кто из предметников отважится поставить бедолаге хорошую отметку. Такова педагогическая практика. Узнала я о ней случайно и вот каким образом.

Двоечник на олимпиаде

На уроках права замечаю, что девятиклассник Костя С. не имеет тетради, ничего не пишет, но выкрикивает с места толковые суждения. Незаметно для других приглашаю его зайти ко мне после уроков. Пришёл. «Костя, — говорю ему, — у тебя хорошие мозги, я бы очень хотела, чтобы ты подготовился к участию в олимпиаде. Вот тебе вопросы. Поработай над ними, но мне необходимы письменные ответы. Я не знаю, какое у тебя материальное положение. Возможно, финансовые затруднения, поэтому хочу предложить тебе тетрадь и ручку. Пожалуйста, прими и работай

со всей ответственностью». Он стоит, опустив голову, но видно, как краска заливает его лицо. «Я сижу в Интернете, печатаю всё на компьютере и уже отвык писать», — объясняет еле слышно. Вопросник берёт и уходит. На следующий урок приносит ответы, набранные на компьютере. Из 15 ответов 13 — правильные. Вношу его в список участников олимпиады по «Основам правовых знаний», который вместе с докладной запиской на имя директора передаю в администрацию. Спустя некоторое время меня вызывает директор, чтобы обсудить подготовку к олимпиадам по экономике и праву. Пробежав глазами список, спрашивает, нет ли в нём опуски, действительно ли Костя С. может принять участие в олимпиаде. Я подтверждаю. Директор смотрит на меня с недоумением. Позже, на педсовете по итогам года, я узнаю, что Костя С. — первая кандидатура на «вылет» из школы:

у него двойки по всем предметам, кроме моих. По экономике и праву у него пятёрки. Каков вердикт педсовета?! «Что с неё взять, у неё заниженные требования к ученикам, на уроках постоянно шум и часто слышны взрывы хохота», — примерно так сказали одни. Другие советуют мне: «Вы бы полистали классный журнал и полюбопытствовали, какие у него оценки по другим предметам...»

Познакомиться с новой школьной дисциплиной — экономикой и с моей манерой ведения урока выразила желание старейшая учительница математики. Её ученики с успехом сдают экзамены в лучшие вузы страны — Физтех, Бауманский, МИФИ. Согласовываем посещение двух уроков: один, где я объясняю новый материал, другой, где я оцениваю, как дети его усвоили. Урок в присутствии коллеги проходил, как всегда, шумно, с дискуссией. Она что-то активно записывала. На следующем уроке попросила разрешения самой задать вопросы по тому материалу, который я объясняла детям, по ходу отвлекаясь на их вопросы и реплики. Лес рук. Дополнения, выявление заблуждений, опровержения. Затем состоялось обсуждение этих уроков. Коллега обратила внимание на то, что я спрашиваю только тех, кто тянет руку. Значит, они готовы к ответу. Неудивительно, что в журнале сплошные высокие оценки. Но не все ребята активны, говорит она, об этом свидетельствует и классный журнал — некоторые не имеют ни одной оценки. Как вы собираетесь их аттестовывать? Объясняю, что каждому пассивному ученику предложу на выбор темы. Претендует на пятёрку — подготовит сложную тему и раскроет основные понятия по всему изученному материалу; на четвёрку — подготовит менее сложную тему; на тройку — расскажет то, что ему наиболее запомнилось из пройденного материала.

Обсудили шум на моих уроках. Для меня было неожиданным, что коллега назвала его творческим и одобрила, хотя её уроки отличались особой тишиной и дисциплиной. Допустила, что тихо сидящий ребёнок необязательно слушает тебя. Он может быть занят и собственными мыслями. А при активном обсуждении, возможно, кое-что запомнит и поймёт. Учительница написала доброжелательный отзыв о моих уроках. Отметила, что готова изменить своё мнение о тишине, считающейся обязательным условием для проведения урока. Я была благодарна авторитетному педагогу за поддержку.

Кроме интереса к урокам в течение учебного года, многие девятиклассники, в первую очередь «двоечники», выразили желание сдавать экзамены по экономике и основам права. Пришлось самой разрабатывать тесты и задания для экзаменационных испытаний.

Директор школы призналась, что присутствовала на экзаменах по моим предметам специально из-за «слабых» учеников, таких, как Костя С. Однако за продемонстрированные им на экзамене знания по экономике она с чистой совестью поставила «отлично». А прослушав его реферат «Юридическая ответственность несовершеннолетних», обратилась к нему с просьбой: «Костя, выступи публично, расскажи семи- и восьмиклассникам школы об этой ответственности, которую ты разложил, можно сказать, по косточкам».

После девятого класса Костя перешёл из нашей школы в колледж при МВД, чем окончательно стёр клеймо неисправного двоечника, лентяя и разгильдяя. В первую очередь, это было важно для него самого, его самочувствия. Он и внешне преобразился: выпрямился, расправил плечи.

На мой взгляд, учитель не может вооружить ребёнка знаниями на всю жизнь. Его долг — помочь ученику обрести уверенность в себе, определить направленность способностей, раскрыть содержание гражданских и духовных обязанностей, убедив в том, что «душа обязана трудиться и день, и ночь». Школа провозглашает принцип природосообразности, но мало делает, чтобы раскрыть природные склонности детей. Они, как правило, остаются не раскрытыми. Это относится и к отличникам, и к двоечникам.

Особая категория — дети состоятельных родителей. Среди них встречаются такие вот «экземпляры». Спрашиваю старшеклассника: «Куда собираетесь после школы?» — «В Финансовую академию». — «Уверены, что сдадите экзамены?» — «Уверен, что буду там, потому что всё оплачено. За меня не беспокойтесь, всё будет о'кей». — «А что будет, если у отца деньги кончатся?» — «Не волнуйтесь, на мой век хватит». Он изредка посещает школу и только для того, чтобы похвастаться модной одеждой, мобильником и другими дорогими прибамбасами. Конечно, это мальчишеская бравада. Такие ребята ещё не знают, что даже престижные вузы не гарантируют успеха в жизни. Но к ударам судьбы они чаще всего ока-

зываются не готовы. А двоечники, как правило, проходят суровую школу жизни. В преодолении трудных ситуаций закаляется характер, оттачивается ум — не для олимпиад, а для принятия решений в непридуманных обстоятельствах. Они не избалованы и им не много нужно, чтобы почувствовать радость бытия.

В мастерской художника

Вспоминаю такой случай. «Мы тоже хотим пойти к художнику!» — заявили с вызовом в голосе два семиклассника. Они стоят передо мной в обнимку, положив руки на плечи друг друга. Чувствую всеми фибрами: эта «конструкция» воздвигнута ими, чтобы выдержать мой отказ. «Мастерская — не проходной двор, — отзываюсь я. — Приглашение надо заслужить!» «Чем?» — любопытствуют закоренелые двоечники. «Поменьше учить уроков, побольше нахватать двоек, матери не помогать, — перечисляю я «добрые дела», — старух расталкивать при выходе из автобуса». — «Ну, тогда мы — самые заслуженные, правда, Ванёк?» — обращается один к другому за поддержкой. «Издеваетесь?!» — это уже спрашивает Иван.

Если бы они знали, как я их сейчас люблю — этих двоечников: за их тонкое понимание иронии, интонации. Сейчас по их позе, по вызову в голосе ощущаю, как им хочется попасть в мастерскую. И понимаю, почему: предыдущие группы, побывавшие у художника, рассматривали и даже трогали (!) руками костюм с системой жизнеобеспечения космонавта, фотографировались в специальном шлеме. Значит, школьная молва широко разнеслась, если дошла до этих злостных прогульщиков. И вот они передо мной со своими думами: «Бывают же счастливики! Должно же когда-то и нам повезти? Не одни же шишки на нашу голову!» Я делаю вид, что размышляю, потом вношу в список их фамилии. Назову вымышленные — Штыров и Янов. Сообщаю время и место сбора. Предупреждаю о приличном виде: «Фраки

приобретать не требуется, но быть опрятными — обязательно».

В назначенный час жду ребят в условленном месте. Являются. Сверяю по списку: «Бабайкина — есть, Иванов — здесь, Зуева, Калинин — есть... Не вижу Штырова и Янова». — «Да вы что, Тамара Николаевна, — изумлённый возглас. — Вот мы, перед вами!» — «Извините, — говорю, — не признала вас в этих двух красавцах». И действительно: постриженные, в чистых рубашках и брюках, а не спортивных штанах они неузнаваемо преобразились. Направляемся в мастерскую заслуженного художника России фронтовика Н.Г. Петрова.

Многие годы Николай Григорьевич был неизменным участником встреч, посвящённых Дню Победы. Позже, в годы перестройки, в школьных программах появился курс граждановедения, я стала приглашать художника на свои уроки, потому что в его творчестве явно прослеживалась гражданская позиция. В последнее время наши школьные ступеньки стали для него непреодолимыми, и мы небольшими группами навещали художника в его мастерской.

Рассматривая его работы, ребята знакомятся с жизнью страны. Вот доверенные курсовые работы студента художественного факультета Московского текстильного института, сделанные в составе группы отличников, направленных в Среднюю Азию. Лёгкие акварельные краски передают необычные, поразительные впечатления. Слепящее солнце на сверкающих изразцах древних архитектурных ансамблей Самарканда, мечетей, пёстрые базары с горами овощей, фруктов, зелени, разнообразными яркими коврами. Ребят забавляет акварельный лист с зарисовками осликов. Война прервала учёбу. На третьем курсе художник уходит на фронт. Там не до рисунков, он принимает непосредственное участие в боях. Об этом периоде позже напишет Константин Ваншенкин. Старшее поколение знает имя этого поэта и писателя. Подросткам поясню: тема творчества К.

Ваншенкина — Великая Отечественная война, многие стихи положены на музыку и среди них такие: «Я люблю тебя, жизнь», «Алёша», «Как провожают пароходы», «Вальс расставанья». Константин Яковлевич пишет и прозу. Героем нескольких рассказов стал его фронтовой друг — художник Николай Петров, с которым вместе служили в воздушно-десантных войсках и участвовали в боях на 2-м и 3-м Украинских фронтах.

Мальчишки интересуются: «А как вы попали в десантные войска?» «В предвоенные годы, — вспоминает хозяин, — молодёжь сдавала спортивные нормы на значок ГТО — «Готов к труду и обороне». В них входили не только бег, прыжки в длину и в высоту, но и стрельба по целям из мелкокалиберной винтовки. Были ещё и парашютные кружки, где я занимался. Это предопределило дальнейший выбор на войне».

Но сначала были курсы. О пребывании на этих курсах — рассказ Ваншенкина «Окно»: *«И как это всё пошло в охотку, служба рядом с подмосковным аэродромом, откуда ещё недавно поднимали свои машины прославленные лётчики. Строевая, стрельба, — стрелковое оружие они уже хорошо знали, — окапывание, — помнишь, труд-фронт? — выходы, тактика. Укладка парашюта на парашютном столе, оказавшемся просто расстеленным на траве длинным авиазентовым полотнищем.*

И прыжок — с ТБ-3. Они, как куры в курятник, набились в эту громоздкую неудобную машину. Внутри крыла, где стоял Петров, мешали какие-то рейки, перемычки, жёрдочки. Люк, из которого предстояло выпрыгнуть, выглядел слишком узким. Его открыли, Петров сел, свесив вниз ноги над немыслимой глубиной, а затем, не видя земли, с трудом протиснулся в проём. И тело его с неожиданной готовностью рухнуло в небесную зыбкую пелену...»

Война закончилась, и фронтовик вернулся к прерванной учёбе, закончил текстильный институт. Но для серьёзного овладения профессией художника решил поступить на графический факультет Московского художественного института имени В. Сурикова. Ещё пять лет (1948–1953) постигал основы мастерства. Параллельно работал в различных изданиях, в том числе в журналах «Мурзилка», «Дружные ребята», «Знание — сила», «Техника — молодёжи», «Военные знания», «Культурно-просветительная работа». Выполнял рисунки для учебников, акварелью — серию листов наглядных пособий. С тех пор установилась связь художника с подрастающим поколением.

Ребята удивляются: «На художника надо так долго учиться?!» «Да, — подтверждает профессионал, — крепкий рисунок, мастерское владение художественной формой являются результатом длительных занятий». Перед подростками встаёт мир, увиденный глазами ответственного, прошедшего дорогами войны человека. Одна только московская серия в творчестве признанного акварелиста составляет свыше ста листов. Она ценится знатоками за лёгкость, стремительность, прозрачность и силу цвета. География творческих командировок художника включает многие точки на карте страны и за рубежом.

Знакомясь с творчеством художника, подростки удивляются его работоспособности. Николай Григорьевич отшучивается: «Я ведь человек железный». А шутка-то, как выяснилось, имела прямое отношение к войне. Это событие тоже описано К. Ваншенкиным в рассказе «Пуля»:

«Мой товарищ, художник Николай Петров, получил когда-то в сорок третьем, сразу после форсирования Днепра, пулевое ранение в грудь, ранение слепое, то есть не навывлет, — пуля застряла в грудной клетке, в глубине. Хирурги решили её не трогать. Так он и жил, — отваливаясь в госпитале, сперва не работали пальцы, мучаясь, начал рисовать, поправился, вернулся в свой институт, окончил его, женился, стал отцом, потом дедом».

Всё это так интересно, но время идёт, и ребята начинают проявлять нетерпение. Когда же дойдём до лётного шлема и костюма космонавта — основной цели визита? Именно о них взахлёб рассказывали побывавшие здесь сверстники. И Штыров не выдерживает: «А вы космонавтов рисовали?» «Да, — подтверждает художник и достаёт фотографии. — Вот видите, на этом диване, где расположились вы, сидел второй космонавт планеты — Герман Титов, а сотрудники из его отряда подарили мне...» И тут Николай Григорьевич открывает шкаф, а в нём возжеленные предметы. Мальчишки примеряют шлем, рассматривают изобретение века — лёгкий комбинезон, похожий на нижнее мужское бельё, в котором размещена автономная система обеспечения жизни человека в Космосе. Пальцы нащупывают тонкие трубочки и миниатюрные устройства между двумя тонкими слоями костюма.

Непредсказуемо влияние впечатлений на человека. Возможно, прикосновение к неизвестным доселе ценностям, влияющим на воображение и будоражащим мысль, не пройдёт бесследно. Как случилось это в раннем детстве с самим Николаем Григорьевичем. Пятилетним ребёнком наблюдал он за работой артели рязанских саночников, а потом увидел нарисованным то, что его поразило: брёвна и щепки, огромный костёр, в золе которого мастера парили дубовые бруски, чтобы гнуть полозья саней. В изображённых на холсте человеческих фигурах артельщики узнавали друг друга. Изобразил всё это мужик из деревни

Горки. Местные его называли — Горошный святой, с ударением на первом слоге, а святым — потому что брался подновлять иконы, но не для всех. И денег за работу не брал. Холст, пахнущий свежей масляной краской, был первой увиденной мальчиком художественной работой. Его потянуло к этому делу.

Наиболее сильное впечатление знакомство с художником, заслуженным человеком, произвело на двух шалопаев, напросившихся в мастерскую. Наконец-то и им подфартило! Они ощутили энергию удачи, повышающую самооценку. Убеждена: чтобы ставить перед собой какие-то цели, человеку нужна вера в удачу.

Антропогенный ландшафт

Урок экономики. Прошу дежурного раздать листки белой бумаги. Раскладываю на учительском столе шариковые ручки, фломастеры, цветные карандаши. Прошу ребят лист бумаги расположить горизонтально и разделить чертой пополам. Слева изобразить природный ландшафт, справа — антропогенный, т.е. преобразённый деятельностью человека. Ребята приступают к выполнению задания, подходят к моему столу за фломастерами, карандашами, переговариваются друг с другом. Обсуждают. Какая уж тут тишина на уроке! Через 15–20 минут прошу подписать работу и сдать. Просматриваю, систематизирую по ходу: складываю в стопку похожие — их большинство, оригинальные — кладу перед собой. Называю фамилии авторов оригинальных рисунков, они получают пятёрки. «За что?!» — восклицает остальная часть класса. «За то, — отвечаю, — что не побоялись «высунуться», проявили фантазию». Комментирую самый, на мой взгляд, оригинальный антропогенный ландшафт. Среди нас, говорю, есть человек с нестандартным мышлением — называю фамилию. Весь класс, в том числе и сам отличившийся, потрясён. А что такое он нарисовал? Показываю лист — на нём кладбище. Рисунок меня пронзил:

скудость изображения не лишена глубокой мировоззренческой выразительности — вот, мол, итог ваших усилий! Своим впечатлением делюсь с классом. Нашлись желающие высказать и своё отношение к незаурядному взгляду одноклассника. Затем ребята комментировали собственные рисунки. И опять итоговая оценка складывается из двух составляющих: оригинальности мышления и умения изъясняться. «А будет ли учтено мастерство изображения?» — интересуются некоторые. Действительно, есть несколько рисунков, мастерски выполненных. Обещаю передать их учителю ИЗО и ходатайствовать о высокой оценке. С точки зрения экономического мышления антропогенный ландшафт стандартен: слева — река, справа — баржа, нагроможденная щебнем, или слева — гористая местность, справа — железнодорожный мост с идущим по нему составом. Но вернусь к оригинальному мыслителю. Школу он посещает изредка, главным образом для того, чтобы сорвать урок. С этой целью пришёл и на экономику. Но выданный ему лист бумаги и взятая со стола шариковая ручка вызвали желание «насолить училке» иначе: он разделил, как я просила, лист пополам, слева изобразил чахлые кустики на безжизненном пространстве, а справа хаотично разбросал покосившиеся православные кладбищенские кресты. Полученная им за работу пятёрка вызвала желание закрепить успех. Со временем изменились его взаимоотношения с ребятами, которые признали его авторитет в экономических и юридических вопросах.

Так за что же я люблю двоечников? За умение «держать удар», за терпение, которое проявляют, когда им ставят низкие, часто необъективные оценки, за отвлечение к задачам с надуманными условиями и готовыми ответами, за любовь к настоящему делу, а не болтовне,

за неординарность, за стремление прогнуть мир под себя. Суровая школа жизни делает из них лидеров.

Напомню о двух выдающихся деятелях: Аврааме Линкольне (1809—1865) и Уинстоне Черчилле (1874—1965). Президент США Линкольн родился в семье фермера не только бедного, но и ленивого, что в глазах американцев непростительный порок. Мать умерла, когда мальчику было 9 лет, и жизнь его стала ещё хуже — кровать из дома исчезла, он спал на полу, отец запретил ему читать книги. Но он искал любые возможности, чтобы заниматься. И стал не только президентом, но и добился победы в гражданской войне — рабовладение было отменено (1865 г.). Имя А. Линкольна стало символом прогрессивных традиций американского народа.

Уинстон Черчилль из состоятельной английской семьи. Известно, что он плохо учился в школе. Его родители были уверены, что их мальчик — безнадежный тупица. Да и учитель развеял надежду отца увидеть сына адвокатом, сказав, что из него ничего не выйдет, поскольку он не способен учиться.

С удовольствием сослалась бы на примеры из отечественной истории. Но... воздержусь. Очевидно, в назидание потомству школьные успехи известных людей у нас принято лакировать. Для традиционной нашей педагогики успех плохого ученика в жизни — нонсенс. Хотя жизнь и опровергает эту позицию.

В заключение отмечу, что большинство взрослых людей связывают успех с материальными благами, признанием, престижем. Но есть и другое понимание успеха: жизнь можно считать успешной только в одном случае: если вам удастся прожить её по-своему. Именно двоечники, обретшие веру в себя, дали мне ощущение профессионального и жизненного успеха. **НО**

